

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

К. А. Гусев

Правовая государственность
как предпосылка формирования
гражданского общества:
Специфика отечественной
либеральной традиции

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gusev_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**ПРАВОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК
ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СПЕЦИФИКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ**

Кирилл Анатольевич ГУСЕВ

кандидат политических наук, доцент
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
факультет издательского дела, рекламы и книжной торговли
Северо-западный институт печати при Санкт-Петербургском университете
технологии и дизайна,
Санкт-Петербург

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

Исследовательский комитет РАПН по изучению идей и идеологий в публичной сфере.

Тематическое заседание:

Т4-2 «Традиции отечественной политической мысли и современность».

22 ноября 2009 г.

В современной отечественной социогуманитарной науке указывается на существование в России преимущества не лучших традиций – антииндивидуалистических, антилиберальных, антиправовых. Неуважение к правам, свободам, достоинству человека как аксиологическим нормам дополняется несоблюдением и монархическим, и советским, и нынешним режимами действующих позитивных законов.

Но следует подчеркнуть и стремление отечественного конституционализма преодолеть эту печальную преимственность, утвердив в сознании элиты, интеллектуалов, рядовых граждан элементарные нормы правовой и политической культуры. Выход, предложенный отечественной либеральной классикой, заключается в освобождении от иллюзий о возможностях государства. Государство не может быть венцом общественного развития. Но, при этом, минимизация роли государства ведет к не меньшим общественным потрясениям. Государство должно включаться в те сферы, которые классические либеральные доктрины выводят за рамки публично-правовой активности.

Постиндустриальное общество нельзя создать инженерам, и, даже, социальным технологам. Его основной капитал – идеи и инновации могут создать лишь свободные и ответственные граждане. Абсолютная ценность свободной и ответственной личности, добровольно интегрирующейся в гражданское сообщество, - ключевая идея политических и философских теорий Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева.

Согласившись с И.К. Пантиным, отметим имманентную социальную проблему либерализма – его противостояние демократии, сиюминутным интересам подданных. «Либеральная система ценностей, - говорит этот ведущий отечественный политолог, - нигде и никогда (кроме США, может быть) не была принадлежностью народных масс («простолюдинов»), а, как правило, культурной установкой «верхних», образованных классов общества. Поэтому, и практически, и исторически либерализм оказывался ни чем иным, как идеологией прежде всего буржуазии (или дворянства) или буржуазной (дворянской) интеллигенции»¹.

«Истина либерализма, - писал в работе эмигрантского периода Е.В. Спекторский, - состоит, во-первых, в том, что нельзя от среднего человека требовать самозабвения и жертвенности, во-вторых, в том, что всякому человеку на известном уровне культуры независимость так же необходима, как рыбе – вода, а птице – воздух, наконец, в-третьих,

¹ Пантин И.К. Историческая драма русского либерализма / И.К.Пантин // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы международной научной конференции. - М., 1999. - С. 94 – 110. - С. 99

в том, что без инициативы отдельных личностей слишком оскудевает общественная жизнь»¹. По мнению Спекторского, требуется не искоренение свободы, а уравнивание ее другими началами. Право, «свобода в пределах законности», и служит достижению подобного равновесия.

«Великая правда индивидуалистических предпосылок раннелиберальных теорий (не отрефлектированная самими их творцами), - пишет о создателях новоевропейского либерализма Б.Г. Капустин, - заключалась в том, что индивид, будучи, несомненно, продуктом общества, обретал свободу самоопределения по отношению к данному обществу»². По мнению Б.Г. Капустина, сущностной проблемой человеческой экзистенции в Новое время стала и поныне остается проблема осуществимости «общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется индивидуальная свобода, понимаемая как право (то есть способность и возможность) человека *действовать по своему усмотрению*»³.

Историческое развитие человечества показало несостоятельность учений, видевших в правовом государстве завершение культурного развития, «земного Бога», верховный союз на земле. Глубокое разочарование в либеральном правосознании как среди политической и интеллектуальной элиты, так и среди широких масс, вызвали к жизни традиционалистские или леворадикальные концепции отрицания права и государства (неославянофильство, толстовство, марксизм, анархизм).

Еще накануне революции С.А. Котляревский признает, что либеральная теория в своих философских основаниях, т.е., идеях народного суверенитета, разделения властей, прав человека и гражданина, а также логической стройности их изложения не всегда убедительна. Но, по словам Котляревского, «возрождается опасная иллюзия», которая заключается в убежденности, что «достаточно разоблачить логические слабости и несовершенства теорий и систем», исходящих из либеральных начал, и «потребность, создавшая последние, перестанет существовать для людей». Постановка вопроса о неотъемлемых правах каждого лица, вопреки многократно отмечаемым в истории кризисам либеральной идеологии, неколебимо возрождает убеждение: государство должно стать правовым⁴.

¹ Спекторский Е.В. Либерализм / Е.В. Спекторский // Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / Сост. А.П. Альбов и др.; 2-е изд. – СПб: Алетейя, 1999. - С. 344

² Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либералах / Б.Г. Капустин // Полис. - 1994, №3. – С.14

³ курсив автора – К.Г.; см.: там же, сс. 13-14

⁴ См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / С.А. Котляревский. - М.: Мысль, 1915. - С. 2-4

Русские либеральные конституционалисты, в к.ХІХв. - Н.М. Коркунов, в революционный период - А.С. Алексеев, Ф.Ф. Кокошкин С.А. Котляревский, В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, придерживаясь различных теоретико-правовых доктрин, доказывали, что утверждение конституционализма еще не означает утверждение правовой государственности. В их понимании, по мнению В.А. Четвернина, правовое государство есть более высокий тип конституционализма, в котором конституция рассматривается как совокупность «формально-юридических гарантий свободы индивида в общественных отношениях». При этом, если сторонники формально-догматического и социологического понимания права не могли, по сути, объяснить природу связанности государства правом, то сторонники естественно-правовой идеологии прямо связывали понятие правового государства с безусловным уважением со стороны властных институтов к неотчуждаемыми правами личности и именно из приоритета данных прав выводили правовую связанность не только суда и администрации, но также монарха и законодателя¹.

Общая проблема всего либерального позитивизма – неспособность ответить на «предельный» вопрос: что заставляет государство уважать неотчуждаемые права лица? Это не отвергает несомненные заслуги исследователей-позитивистов перед отечественной социально-политической и правовой наукой, а также практикой русского конституционализма. Как отмечают, например, Э.В. Кузнецов, С.А. Пяткина, Н.Я. Куприц, «прогрессивное значение русского юридического позитивизма в условиях самодержавия состояло в том, что его представители отстаивали стабильность правовой системы и связанного с ней принципа буржуазной законности, выступая, тем самым, против беззакония и произвола»².

Необходима была антипозитивистская методология, не отождествлявшая право с государственным принуждением. По образному выражению В.М. Гессена, неизлечимой и заразной болезнью доктрины естественного права была вера в творческую силу человеческого духа или этический идеализм³.

Последовательную антиавторитарную идеологию представляет собой юснатуралистическая доктрина, отстаивающая приоритет неотчуждаемых прав личности над прочими политико-правовыми ценностями. «Не являясь сугубо юридической конструкцией, - пишет ведущий петербургский философ права А.В. Поляков, -

¹ См.: Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию / В.А.Четвернин. - М.: ИГП РАН, 1993. - С. 75

² См., напр.: Кузнецов Э.В. Философия права в России / Э.В.Кузнецов. - М.: Юр.лит-ра, 1989. - С. 111

³ См.: Гессен В.М. Возрождение естественного права/В.М.Гессен. – СПб: Тип.общ.Евдокимова, 1902. - С. 3

естественное право в его возрожденном виде представляло собою один из теоретических источников обоснования неолиберализма и было тесно связано с программными положениями буржуазных политических партий, в первую очередь, партии кадетов»¹.

Социальный либерализм выделяется из всего многообразия либеральных концепций через противопоставление с крайним экономическим либерализмом, принимающим во вт.пол.ХХв. форму либертаризма. Истоки многочисленных кризисов открытого общества социальные либералы справедливо увидели не только в духовно-нравственном катастрофизме «железного века», но и в обыденной социально-экономической неустроенности. Миллионы обездоленных людей бесполезно призывать к высотам духа. Им надо помочь выбраться из полуживотного состояния, приобрести общие и профессиональные знания. В предреволюционной России, с ее обостренными социальными противоречиями, это было особенно необходимо.

Именно в России совершен первый шаг к преодолению классической либеральной парадигмы. Идею сочетания несомненной ценности права и свободы с неотрицанием равенства сформулировал еще Вл. Соловьев, рассматривавший право как синтез равенства и свободы. Человек, по словам основоположника концепции Богочеловечества, должен иметь не только средства к существованию, достаточный физический отдых, но и возможность пользоваться досугом для своего духовного совершенствования², т.е. комплекс не только политических и гражданских, но и социальных прав, который П.И. Новгородцев назовет правом на достойное человека существование.

В западной философии и социологии, по словам И.Д. Осипова, «противопоставление морали и права теоретически обосновало «неизбежный дуализм» государства и гражданского общества». Сторонниками такого дуализма были, например, И. Кант, Г. Гегель, И. Бентам, Р. Штаммлер, М. Вебер, Г. Кельзен. Поэтому, «в русской философии, отстаивающей необходимость ограничения политики и права нравственными нормами, выражена глубокая мысль о наличии ценностных оснований права, обусловленных историко-культурными условиями бытия народов»¹. «Я-свобода» И. Канта, И.Г. Фихте, В. Гумбольдта, Дж. Стюарта Милля и других классиков западного либерализма трансформировалась в концепцию «Мы – Свобода» у Вл. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева. Синтез нравственности и права с требованием поднять

¹ Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России (критический анализ основных концепций). Автореф. ... к.ю.н. / А.В.Поляков. - Л.: ЛГУ, 1987. - С. 1

² См.:Соловьев В.С. Оправдание добра:нравственная философия/В.С.Соловьев.-М.:Республика, 1996. – С.308

их «над государством и властью» становился теоретическим основанием политики социального либерализма.

Поэтому, теория «возрожденного естественного права» - феномен опережающего интеллектуального развития. Причины того, почему идеи отечественного либерализма не были актуализированы, многообразны. Эти факторы превращения русского либерализма в «философию проигравших» (А. Янов) – не предмет данной работы. Но, возможно, правильнее говорить об опережающем сознании, явлением которого и были концепции отечественных «философов свободы». «Русские либералы-интеллектуалы», по словам известного отечественного историка В.В. Шелохаева, «создали *открытую* (курсив автора – К.Г.) теоретическую модель для будущего открытого гражданского общества», позволяющего личности реализовать свои потенциальные возможности. Целостная либеральная модель рационалистического переустройства России «сводилась к созданию правового государства и гражданского общества, формированию системы рыночных отношений, разработке механизмов социального партнерства, цивилизованных методов разрешения международных конфликтов»².

По словам профессора Л.В. Селезневой, русский либерализм р. XIX-XX вв. располагал *теорией заимствования*. Это позволяет решительно опровергнуть утверждение о слепом копировании русскими либеральными авторами западного опыта. А взгляды русских новых либералов, преодолевающие доктрину «позволять действовать», концепцию минимального государства, государства-«ночного сторожа», стали общепризнанным достоянием современного западного социального либерализма³.

Две ключевые идеи марбургской школы последователей И. Канта были особенно важны для отечественного неоидеализма. Первой концептуальной находкой марбургской школы неокантианства было положение Р. Штаммлера о формально-логическом и сущностном приоритете права над экономикой. Следующий важнейший тезис высказан П. Наторпом в работе «Социальная педагогика». Наторп использовал этический формализм

¹ См.: Осипов И.Д. Проблема нравственно-правового разума в русской философии / И.Д. Осипов // Вестник СПбГУ, 1999. - сер. 6, вып. 4 (№27). - С. 43, 51

² См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 1996. - С.32; Секиринский С.С. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX веков) / С.С.Секиринский, В.В.Шелохаев. - М.: Памятники ист. мысли, 1995. - С. 230

³ См.: Селезнева Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы / Л.В. Селезнева // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы международной научной конференции. - М.: РОССПЭН, 1999. - С.121-129. - С.123, 128; о взаимосвязи нового русского либерализма и современного западного социального либерализма см. также: Новый либерализм в России / И.Н. Сиземская, Л.И.Новикова // Общественные науки и современность. - 1993, №5. - С. 132-140; Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России / И.Н. Сиземская, Л.И.Новикова // Свободная мысль. – 1993, №15. - С. 67-80

Канта, чтобы осудить утопические мечты об осуществлении государства всеобщего счастья в конкретной исторической форме. Практические задачи, доказывал Наторп, всегда являются эмпирическими и определенными, но, по этой причине, не существует ни практической задачи, ни радикального вопроса, которые следует абсолютизировать и представлять как конечные. Нравственная воля требует непрерывной борьбы, непрерывного самосовершенствования и неограниченного развития. Это означает в политической практике необходимость активной социальной политики либерально-демократического государства («этический социализм»), и, прежде всего, государственную поддержку (не отрицающую участия в такой работе частной благотворительности) программ образования для малоимущих слоев. Профессиональное и общее образование – это возможность роста социального статуса, доходов, освоения престижных видов деятельности. И, что не менее важно, – это приобщение к ценностям человеческого духа, в том числе, – гражданской политико-правовой культуре.

В книге о Н.К. Михайловском, видном представителе субъективистской социологии, молодой Н.А. Бердяев, критикуя народничество с позиций легального марксизма, высказывает ряд либеральных и даже левых идей, ставших для него, впоследствии, чуждыми. В школе возрожденного естественного права стали предметом углубленного рассмотрения ряд тезисов из ранней работы Бердяева – преодоление утопизма, возрождение рационалистического этического идеализма, безусловное признание человека-цели как формальной объективной нормы, отказ от взгляда на историю как фатальный саморазворачивающийся «свиток событий». «Развитие капитализма, – пишет Н. Бердяев, – не есть какой-то фатальный «естественный ход вещей», и демократические «поправки» к этому развитию нельзя рассматривать как нарушение «естественного хода». Эти «поправки» составляют неотъемлемую часть естественного социального развития, закономерный результат борьбы светлых сторон капиталистического общества со сторонами темными»¹.

Правовой идеал Б.А. Кистяковского, наряду с признанием права каждого лица на человеческое достоинство, включает принцип *правовой личности*, «дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком», «наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими»². Преодолеть насилие и максимализм революции и реакции может, по

¹ Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Н.А.Бердяев; Предисловие П.Б. Струве. - С. I – LXXXIV. - СПб: Электрическая типография, 1901. – 270 С. – С.25-26; см. также: С. 138

² См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А.Кистяковский. – СПб: РХГИ, 1998. - С.364; курсив автора

мнению Е. Трубецкого, солидарного в этом вопросе и с Л.И. Петражицким, Б.А. Кистяковским, П.И. Новгородцевым, развитие народного образования, выращивание гражданской культуры, т.е., «развитие сознательной личности (курсив автора – К.Г.)». Возможность утверждения, взамен массового деспотизма, рождающего реакционную сильную власть или революционную диктатуру, господства права зависит, по словам Е. Трубецкого, «от того насколько сильны в нашем народном сознании привитые христианством нравственные начала», насколько удалось совместить демократические, либеральные и христианские идеи¹.

Б.А.Кистяковский, Е.Н.Трубецкой, П.И.Новгородцев, В.М. Гессен предвосхищают, фактически, общепризнанную в современной науке концепцию Г. Алмонда и С. Вербы о противопоставлении подданнического и активистского типов политической культуры. Неотъемлемые права личности признаются государством как субъективные публичные права и «подлежат судебной и административной защите»². Только имея дело с гражданами, носителями субъективных публичных прав, т.е., управомоченными лицами, способными предъявить правопритязания к государству, власть оказывается вынужденной соблюдать законы. Еще одной гарантией обеспечения уважения к праву со стороны государства и его институтов является сила общественного мнения³.

Статья Кистяковского «В защиту права» из сборника «Вехи» вносит либеральные мысли в этот манифест консерватизма и смирения: «Правда, справедливость и свобода составляют содержание права в их внешних, относительных, обусловленных общественной средой формах. Но внутренняя, более безотносительная духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней; последняя есть самая лучшая школа для первой»⁴. Не вина, а беда русского конституционализма состоит в том, что не воплотился в жизнь этот правовой идеал: сначала – позитивные гарантии как воплощение принципов естественного права, а затем – рост и развитие духовной свободы, в том числе – правосознания, каждой личности и всего народа. Государство в России могло бы «сверху» сделать решительные шаги по формированию основ гражданского общества. Историческим прецедентом подобного развития, на что указывает в своей статье из сборника «Вехи» и Б. А. Кистяковский, были реформы Александра II.

¹ См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Е.Н.Трубецкой. - М.: Республика, 1994. - С. 302, 323

² См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский. – СПб: РХГИ, 1998. - С. 543

³ См.: там же. - С. 635

⁴ См.: там же. - С.360

Революционной интеллигенции следует осознать, что только «устойчивость и прочность правопорядка есть лучшее средство для того, чтобы этот порядок сделался справедливым и гарантирующим свободу»¹. В статье с очень характерным названием «Непрерывность правового порядка», вышедшей в 1917 году, сразу после февральских событий, Б. Кистяковский подчеркнул, что «государство есть тот правопорядок, который существует в данном народе и связывает его в одно целое». «Явочным или захватным порядком, - безуспешно предупреждал Кистяковский, - ничего постоянного и устойчивого создать нельзя. ... Напротив, государственные и социальные реформы, проведенные правовыми путями, сразу приобретут общеобязательность и авторитетность»².

Отвергая левый радикализм, Кистяковский рассматривал стремление к справедливости как естественное, извечное стремление, которое должно воплощаться в общественной жизни. Опубликовав в 1906г. статью «Государство правовое и социалистическое», Б.А. Кистяковский, по сути, рассмотрел социальное правовое государство, обеспечившее право человека на достойное существование. В работе Кистяковского о правовом социалистическом государстве указывается на пути преобразования капитализма, который, используя еще не встречающийся у Кистяковского, но общепризнанный в современной социально-политической науке термин, становится социальным рыночным хозяйством³. Указывает Кистяковский и на демократизацию собственности как черту общества будущего. В различных формах эта идея распространена в современном социальном либерализме (Дж. Роулз, Р.Дворкин, Р. Дарендорф, Р. Даль, Дж. К. Гэлбрейт).

Противоречие между правовым идеалом и действующей нормой, по мнению В.М. Гессена, совпадающему с позицией Новгородцева, Кистяковского, Е. Трубецкого, «разрешается требованием *изменения* (курсив автора – К.Г.), реформы положительного права, требованием позитивации естественно-правовой нормы»¹. Естественное право – это идеальный критерий для права положительного, необходимый или категорический постулат его развития, естественно-правовая норма – это суждение о том, каким должно быть положительное право: «Естественное право обращается не к администратору или судье, а к законодателю. Сопоставляя свою норму с действующей, естественное право раскрывает «неестественность» последней; тем самым оно констатирует *необходимость* и указывает *цель* законодательной реформы. В этом – *и только в этом* (курсив автора –

¹ См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский. – СПб: РХГИ, 1998. - С.377

² Кистяковский Б.А. Непрерывность правового порядка / Б.А. Кистяковский // Юридический вестник, 1917. - кн. 1. - С. 10; см. там же: С. 8

³ См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский. – СПб: РХГИ, 1998. - С.337

К.Г.) – заключается истинное отношение естественного права к положительному»². Конституционное, а не правовое, государство Гессен противопоставляет абсолютизму, считая, что «конституционное государство может быть более или менее правовым», т.к. «реализация основными законами конституционного начала, будучи **необходимым**, не является **достаточным** (выделено автором – К.Г.) условием правового государства»³. В целом, либеральные исследователи, сторонники конституционализма, рассматривали дуалистическую монархию как переходную форму от монархии абсолютной к конституционной. Русские либералы в пореформенную эпоху не настаивали даже на дуалистическом монархическом принципе. Б.Н. Чичерин говорил о правовой монархии с совещательным представительством, Н.М. Коркунов настаивал лишь на правомерном осуществлении царской власти, проводя четкое различие между законодательством и указным правом монарха. В межреволюционный период А.С. Алексеев осуждал чрезвычайное-указное право, позволявшее императорам Австро-Венгрии и России заниматься законотворческой деятельностью в период «парламентских каникул», а Ф.Ф. Кокочкин с позитивистских позиций отстаивал юридическое, а не декларативно-политическое значение конституционного Манифеста 17 октября. В.М. Гессен, развивая все эти мысли о возможности и необходимости плавной эволюции России к парламентарной монархии, писал: **«Правовая характеристика монархии – как парламентарной, так и дуалистической, - вполне и безусловно однородна в своих основных началах»**⁴. Это, отвергающее практику мнимого конституционализма, положение, фактически, - весьма корректная рекомендация тогдашней власти к доведению конституционной реформы до логического завершения, правовой базой чего могли бы стать Манифест 17 октября и Основные законы 1906 года.

Ответственность парламента перед гражданами, по мнению В.М. Гессена и С.А. Котляревского, носит не только морально-политический, но и строго правовой характер. Способом избежать парламентского абсолютизма должно, по мнению Котляревского, стать более явное отражение в законе народного мнения как равнодействующей «интересов, стремлений и идеалов, присущих членам и группам данного общества»⁵. Парламентаризм – выражение, «хотя далеко не равноправное», разнообразных общественных интересов. И взятие государством на себя социальных обязательств перед

¹ См.: Гессен В.М. Возрождение естественного права / В.М. Гессен. – СПб: Тип. общ. Евдокимова, 1902. – С. 12

² Там же. - С. 12; см также: там же, С. 11

³ См.: Гессен В.М. Основы конституционного права / В.М. Гессен. - 2-е изд. – Пг: Право, 1918. - С. 66-67

⁴ Там же. – С. 18; выделено мною – К.Г.

⁵ См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / С.А. Котляревский. - М.: Мысль, 1915. - С. 298-299

гражданами – это, по мнению Котляревского, совпадающему с концепцией В.М. Гессена, современное понимание естественно-правовых идеалов¹. Власть в современном государстве все более рассматривается как социальная функция, существующая «ради тех великих заданий, которые во всех областях поставлены перед этим государством»².

Социальные естественные права Котляревский, как и В.М. Гессен, в соответствии с принципом эволюционизма, рассматривает как появившиеся в ходе исторического развития, получившие, а не «имеющие со дня творения» статус естественных, неотчуждаемых. «Не может быть серьезного правового притязания», в том числе, правопритязания на положительные услуги со стороны государства, подчеркивает Котляревский, «там, где нет сознания объективной возможности его осуществления». Безусловное уважение принципов общегражданской свободы всецело находится во власти государства, осуществлять же положительные услуги «государство может в меру социально-экономических и культурных условий». Но ныне право на достойное существование начинает «связывать законодателя», т.е., будучи ориентиром для правотворчества, превращается в неотъемлемое право³.

Конституционное государство есть, по мнению А.С. Алексеева, совпадающему с позицией Котляревского и В.М. Гессена, предварительное условие государственности правовой. С.А. Котляревский видел важнейшую характеристику правового государства в связанности администрации и суда правом. А.С. Алексеев дополнил эту характеристику ответственностью государственных органов «перед законом и авторитетными представителями общественного мнения», а также не столько уважением властей к «букве закона», сколько их свободной деятельностью «в пределах и в духе закона»⁴.

По мнению одного из представителей естественно-правового течения русской эмигрантской мысли С.И. Гессена, гражданское общество, независимая от государства сфера самодеятельности лиц, оставаясь таковой, в то же время, согласно концепции нового, социального либерализма, требует от государства, отвечающего всем общепризнанным либеральным и демократическим требованиям, активной социальной политики.

¹ См.: Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика / С.А. Котляревский. - 2-е изд. - М.: МО, 1993. – С. 207, 211

² См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / С.А. Котляревский. - М.: Мысль, 1915. - С. 19

³ См.: там же. – С. 347-349

⁴ См.: Алексеев А.С. Рецензия на книгу С.А. Котляревского «Правовое государство и внешняя политика» / А.С.Алексеев // Вопросы права. -1910, кн. 3. - С. 116-132, о признаках правового государства см.: С. 125

В сборнике статей «Правовое государство и социализм» (1924) С.И. Гессен развивает концепции «правового социализма», т.е., по существу, социал-либерального понимания правовой государственности Б.А. Кистяковского, права на существование П.И. Новгородцева и И.А. Покровского, признания социальных прав естественными, неотъемлемыми, В.М. Гессена и С.А. Котляревского. Новый либерализм, по словам С.И. Гессена, «понимает право не только отрицательно, но и *положительно* (курсив автора – К.Г.)». Поэтому, как уже ранее отмечали Г. Еллинек, В.М. Гессен, С.А. Котляревский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, гражданин имеет субъективное право притязания, требования, от государства положительных услуг. Государство, на что указывал еще во время революции 1905 года и П.И. Новгородцев, сглаживает противоречия между имущими и неимущими, в том числе, путем публично-правового регулирования отношений собственности. «Соответственно этому, - пишет уже в начале двадцатых годов прошлого века С.И. Гессен, - и отдельные лица обязаны прямо (например, взносы на страхование рабочих), или косвенно (например, школьные налоги) по отношению к другим лицам положительными актами, и, притом, в порядке не нравственного благотворения, а чисто правового обязательства»¹.

Социальное государство сглаживает противоречия не только между хозяевами и лицами наемного труда, но и между различными группами собственников, имея своей целью достижение социального мира, рост общей эффективности экономики, защиту подлинной свободы самореализации для каждого гражданина: «Собственность оправдана лишь как поприще личной свободы. Монопольная же собственность, напротив, устраняет свободу инициативы»².

С.И. Гессен принимал участие в разработке Всеобщей декларации прав и свобод человека. Провозглашение в этом документе всего комплекса прав (гражданских, политических, социально-экономических), т.е., по существу, права на достойное существование, остается и спустя шесть десятилетий после принятия Декларации, в значительной мере, императивом, а не реальностью. Следуя неокантианской методологии приоритета должного и концепции социального идеала как ориентира для непрерывного развития, можно сказать, что Декларация остается «путеводной звездой» развития гуманистических начал цивилизации.

Правовое и социальное государство становится центральной категорией доктрины возрожденного естественного права. Государство способствует привлечению средних

¹ Гессен С.И. Избранные сочинения / С.И.Гессен. - М.: РОССПЭН, 1998. - С. 182

² Там же. - С. 186

слоев к управлению, обеспечивает социальные гарантии (и, соответственно, материальные условия для пользования свободой) малоимущим. Используя принятую в современной политической науке категорию, именно правовое и социальное государство берет на себя функцию политической социализации, социальной педагогики, интеграции гражданина в социум. Последнее не исключает возможности активной работы иных социализирующих институтов (СМК, частные и общественные, как институционализированные, так и неформальные, ассоциации).

«Мы не смотрим на право на существование как на конечный идеал, как на венец всех многотрудных страданий человечества; мы видим в нем только *minimum* того, что государство в настоящий момент должно обеспечить человеку»¹, - формулирует центральный момент своей позиции Покровский. Понятие гарантированного обществом минимума, предложенное И.А. Покровским и С.И. Гессеном, предвосхищает концепцию «максимина», максимального - из возможных гарантированных обществом - уровня доходов для неимущих слоев, который, при этом, позволит не допустить спада общей эффективности экономики, предложенную Дж. Роулзом, а также теорию «минимального социального государства» Р. Дарендорфа.

Ряд важнейших конкретных требований программно-политического характера, которые отстаивала партия кадетов, выводит П.И. Новгородцев из права на достойное существование. Это и решение рабочего вопроса, создание профессиональных союзов, страховых обществ, иных объединений, которые будут вопреки и помимо крайних революционных партий привлекать низшие слои общества к историческому творчеству. Это и переход к защите наиболее обездоленных не только с помощью церковной или частной благотворительности, но и посредством законом закрепленной государственной социальной политики.

Особое место занимает обоснование аграрной программы партии кадетов, предусматривающей частичное отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян на основе выкупа и иных постепенных, тщательно обоснованных в законе мер: «... правосознание нашего времени выше права собственности ставит право человеческой личности и, во имя этого права, во имя свободы, устраняет идею неотчуждаемости собственности, заменяя ее принципом публично-правового регулирования приобретенных

¹ Покровский И.А. О праве на существование // О праве на существование. Социально-философские этюды / П.И.Новгородцев, И.А.Покровский. - СПб, М.: т-во М.О.Вольф, 1911. - С. 35

прав с необходимым вознаграждением их обладателей в случае отчуждения»¹. Необходимость многообразия форм собственности признается и Дж. Роулзом².

Право на достойное человеческое существование - сформулированный в терминах земной жизни положительный идеал. Формально-юридический закон должен содержать минимально необходимые требования социального характера: «Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и незащищенных - это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон»³. Сочетание в диалектическом единстве справедливости и честности, эффективности общественных союзов и достоинства каждого лица станет парадигмой социального либерализма XXв.

По словам А.В. Полякова, «анализируя правовые теории Г.Ф. Шершеневича, Н.М. Коркунова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, отрицающие возможность познать сущность права, его нравственную ценность и цели», можно прийти к выводу «об отсутствии у сторонников позитивистских теорий права убедительных аргументов против естественно-правовых концепций в их возрожденном варианте»⁴.

«Социальные реформы», предложенные новым русским либерализмом, по словам профессора В.В. Шелохаева, «несли в себе довольно мощный социальный и нравственный заряд, ибо, в той или иной форме, отражали миропонимание и мироощущение русской интеллигенции о социальной справедливости, об ответственности за судьбу простого человека. Либералы выступали за правовое решение социальных проблем, стремились найти наиболее оптимальный социальный компромисс между разнородными социальными и политическими силами». «Подчеркивая огромную роль правового государства в реализации сильной социальной политики, - делает вывод В.В. Шелохаев, - русские либералы считали, что оно должно самым решительным образом отказаться от традиционной роли «ночного сторожа» и взять на себя функции социального арбитра, активно отстаивающего широко понятые общегосударственные интересы»⁵. «Старое либеральное понятие «равенства перед законом», по словам И.К. Пантина, трансформируется у П.И. Новгородцева и И.А. Покровского в «понятие «равенства исходных шансов»⁶.

¹ Новгородцев П.И. Сочинения / П.И.Новгородцев. - М.: Раритет, 1995. - С.325

² см., напр.: Алексеева Т.А. Морально-политическая философия Джона Роулза / Т.А.Алексеева. - М.: Наука, 1992. - С.101

³ Новгородцев П.И. Сочинения / П.И.Новгородцев. - М.: Раритет, 1995. - С.324

⁴ См.: Поляков А.В. Возрожденное естественное право в России (критический анализ основных концепций). Автореф. ... к.ю.н. / А.В.Поляков. - Л.: ЛГУ, 1987. - С.7

⁵ Шелохаев В.В.Либеральная модель переустройства России/В.В. Шелохаев. - М.:РОССПЭН, 1996. - С.136

⁶ См.: Пантин И.К. Историческая драма русского либерализма / И.К.Пантин // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. - М.: РОССПЭН, 1999. - С. 94 - 110. - С.104-105

Подобное изменение политических задач «знаменует *новую стадию развития правового государства*»¹. При этом, для осуществления задач примирения общественных противоречий, воспитания граждан государство должно призвать на помощь нравственные факторы. «Социальное государство теоретиков социального либерализма начала XX века ... - пишет И.Д. Осипов, - было государством Правды, Справедливости и Солидарности и в некотором смысле уже неполитическим государством»². Такое понимание государственности – именно в качестве идеального типа государства приходит и в западные концепции социального либерализма.

Неолиберализм, сформулированный еще в начале века ведущими российскими философами и правоведами и разделяемый ныне западными подлинно либеральными мыслителями, - это провозглашение абсолютной ценности человеческой личности, ее устремленности к высшим началам бытия. Это признание права, и отдельной личности, и универсума свободных и нравственных личностей требовать от социума и государства уважения своего политического, гражданского и социально-экономического достоинства. Важнейшее значение придается созданию политико-правовых, культурных и социально-экономических предпосылок для духовно-нравственного совершенствования каждой личности, реализации права не просто на социальный минимум благ, но на человеческое достоинство. Преодолевается характерное для русской философской и литературной классики стремление редуцировать всю сложную работу по взаимодействию личности и социума на необходимость лишь индивидуальных духовно-социальных подвижничества и аскезы.

Делая выводы, отметим оставшуюся новой России в наследство и от самодержавного, и от коммунистического режимов неразвитость именно правового сознания. Подлинный либерализм не имеет ничего общего с активно утверждающимися в реальности принципами «волчьей» борьбы за выживание. В условиях многочисленных неудач модернизации, воспринимаемых нередко как крах либерализма, приобретают популярность для миллионов потерявших надежду на свое достойное существование людей бессодержательно-эклетические доктрины, цинично отвергающие основные общечеловеческие ценности. И сохраняет, поэтому, актуальность безусловно логичная и безупречно корректная критика идеологами кадетизма марксистских, анархических, равно как и праворадикальных течений. Методологии критической оценки Новгородцевым,

¹ см.: Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И.Новгородцев. – СПб: Лань, 2000. – С.290; курсив автора

² Осипов И.Д. Философия русского либерализма (XIX – начало XX века) / И.Д.Осипов. - СПб: СПбУ, 1996. – С.124

Е.Трубецким, Б. Кистяковским, С.Л.Франком антилиберальных доктрин не мешало бы поучиться некоторым сегодняшним «записным либералам». И, разумеется, вполне современна критика Новгородцевым, Кистяковским, Е.Трубецким, С.И.Гессеном утилитаристских, релятивистских примитивно-либеральных концепций, также, нередко, провозглашаемых нынешними «большевиками от либерализма».

Завершим нашу статью словами двух видных отечественных ученых-гуманитариев, Е.Г. Плимака и И.К. Пантина: «Россия сейчас находится на перепутье: в ее общественной жизни либо утвердится либеральная культура сближения позиций, компромисса и поиска согласия, либо возобладает традиция прошлого, в соответствии с которой оппонента надо обязательно победить, разгромить, навсегда вывести из игры. Первая, пусть не сразу, но способна поставить нас на уровень проблем начала XXI века, вторая – может отбросить назад, к вырождению социальной практики в привычную систему господства и подчинения. Нелепо подразделять эти тенденции на «рыночную» и «антирыночную», «реформаторскую» или «антиреформаторскую». От рынка России уже не уйти. Проблема в другом: сумеет ли наскоро заимствованный с Запада либерализм в его «экономизированной» форме дать импульс поиску неизведанного пространства российской свободы, или этот поиск потребует обращения к отечественной либеральной традиции. Параметры этого пространства более или менее ясны: индивидуальность, не отождествляемая с индивидуализмом, свобода, не редуцируемая к своеволию, господство права в общественной жизни и уменьшение господства чиновничества, широкая местная автономия в составе единой федерации, консенсус, вбирающий многообразие культур, стилей жизни и мышления, - все это и многое другое способно, как представляется, послужить становлению свободной личности в России. В этом смысле, диалог с русской либеральной традицией неизбежен и плодотворен»¹.

¹ Драма российских реформ и революций: Сравнительно-политический анализ / Е.Г.Плимак, И.К.Пантин. - М.: Весь мир, 2000. – 360с. - С.284